

2.3. Не свернуть с выбранного пути

Становление художника в романе «Свидание с Нефертити» (1964 г.)

Роман «Свидание с Нефертити» во многом автобиографичен, он охватывает четкие временные рамки: июнь 1941 г. – март 1945 г. Кавна произведения повторяет биографию автора: вечер накануне войны, война, Сталинград, тяжелое ранение под Харьковом, послевоенная деревня, учеба во ВГИКе. Писатель считал его незаконченным, часто возвращался к мысли о его продолжении. Роман переводился в ГДР, Румынии, Франции, ФРГ, был издан на многих языках народов СССР. Он интересен, наверное, прежде всего для художников и людей искусства, поскольку автор пытается здесь ответить на вопросы: что есть истина в искусстве и что такое подлинная красота?

В центре повествования – выпускник школы из глухой деревни Федор Материн, который мечтает стать художником и после выпускного вечера едет в Москву, находит художественный институт, беседует в мастерской с одним из его преподавателей, который показывает Федору скульптуру древнеегипетской царицы Нефертити и говорит, что юноша сможет стать художником, если откроет загадку неувидающей красоты и завораживающей притягательности образа этой правительницы. «Федор не хотел ничему больше радоваться, не хотел ничего больше любить, вся душа без остатка принадлежала теперь Нефертити, только ей! И удивляли уже не одни только губы — мягкие надбровья над странными удлинненными глазами, изгиб тонкой, нежной шеи, мягкий овал скул. С минуту назад тупо глаза! Теперь прозрел! А это разве не чудо?» Но вдруг объявляют, что началась война. Профессиональные планы Федора Материна рушатся, он становится солдатом-связистом. Под перекрестным обстрелом и бомбами, в Сталинграде и под Харьковом деревенский юноша помнит о Нефертити, не раз ему приходится выбирать между возможной гибелью и стремлением к своей мечте: показать людям улыбку загадочной царицы.

Преодолевав трусость и стремление спасти себе жизнь, чтобы не ненавидеть себя за малодушие, Федор прошел все дороги войны. После демобилизации сначала он отправился не в родную деревню Матеру к родителям, а в залы Гретьяковской галереи. На картинах известных художников Федор теперь смотрит совсем другими глазами, глазами видевшего смерть солдата: «Вот и «Княжна Тараканова» – ей-ей, даже красивые барышни умирают проще, безобразнее. Он помнит, как девка-красавица, жившая с немецким комендантом, спроваживавшая на тот свет каждого, кто косо на нее взглянул, сама своей рукой не брезговавшая расстреливать, валялась на площади, цепляясь за ноги солдат, целовала пыльные сапоги – сильная, гибкая, плотски-плотная, густые волосы рассыпались

по обнаженным плечам. Суриковские «Стрельцы»... «Боярыня Морозова»... Знакомы, очень знакомы, вплоть до лиловой ступни юродивого на снегу... Лиловая ступня напомнила ноги двух мальчишек. Стриженные головы, на острых, костлявых плечах какие-то длиннополые чуйки, похожие на рваные мешки, босые ноги утопают в талом снегу. Они стояли под виселицей. После них ужасаться – боярыню-матушку везут в цепях на простых црвнях...».

Только картина Валентина Серова «Дервиз с ребенком», на которой изображена хрупкая молодая женщина с доверчивым лицом, западает в душу, образ трогает его огрубевшее сердце беззащитностью и наивным неведением о человеческой жестокости. Под влиянием увиденного Федор идет в художественный институт узнавать о вступительных экзаменах и только потом едет в родную деревню. Отец, много скитавшийся по свету в поисках истины и смирившийся в старости, пытается отговорить сына от стремления стать художником: «Я, брат, скажу тебе вот что: держись возле земли, не отходи от нее, не след... По себе говорю, сам от земли бегал, теперь жалею. Нутром понял: возле земли проще, чище живется. Понять-то понял, но скрывать нечего – чего уж, – поздновато... Я сам всю жизнь правду искал. А правда-то, она, парень, проста. Да-а, проста... Жив – вот и вся правда. Жив, ешь, пьешь, спишь, работаешь, чтоб быть живу. Другой-то правды на свете нет, не ищи. Вот мать наша жить умеет, ей ничего другого не надо. А я вот не умел... И ты тоже глядишь куда-то поперек, тебе тоже надо больше, чем быть живу». Поддерживает планы Федора только его школьный учитель рисования «Савва Ильич – учитель-самоучка, художник-самоучка, человек не семи пядей во лбу – случайно или по наитию сделал самое мудрое: подарил Федору чистую бумагу, краски и один-единственный совет: «Рисуй что хочешь». Он не стреножил мечту условиями». И Федор отправляется в Москву учиться.

Вот и первое испытание таланта: нужно нарисовать вроде бы простой натюрморт – «на табуретке, покрытой небеленым грубым холстом, стояла темная, почти черная бутылка, возле нее граненый стакан и два ярких, свежих лимона, сзади голубовато-серый фон стены». Молодой человек «ни разу в жизни не писал маслом, не держал в руках палитру», боится оплошать и вернуться в Матеру ни с чем. Он быстро наносит рисунок, использует яркие краски под неодобрительным взглядом преподавателя. Когда уже не осталось места на холсте, Федор начал рассматривать работы, над которыми трудились его однокурсники. «Странное дело, все смотрели на одну и ту же бутылку, на одни и те же лимоны, но ни на одном холсте не было одинаковых бутылок, одинаковых по цвету лимонов. Видели одно, показывали разное». Через полчаса он понимает многие свои ошибки: «Бутылка есть, она похожа на бутылку, не назовешь ее горшком или чашкой. Но

ведь и про радугу на картине Саввы Ильича любой и каждый мог сказать: «Да, это радуга, а не церковные ворота». Бутылка, лимоны.. Видел желтое, добросовестно красил желтым, видел черное – чернил Краска Вячеслава Черныппена, попав на холст, становилась веществом – стеклом бутылки, душистой и пористой кожей лимонов. У него, Федора, краска так и оставалась краской...». За полчаса молодой человек понял, что нужно открыть в простом сложное и суметь выразить душу обыкновенной пивной бутылки! «Если сейчас чуть-чуть углубить тон бутылки... Чуть-чуть, нельзя пересаливать! Чуть-чуть! Бутылка просит этого, требует. Она вдруг заговорила. Он, Федор, понимает ее язык! Федор, всё ещё не веря в удачу, робко взялся за кисть и палитру, начал смешивать краски. Чуть-чуть... Надо помнить об этом. Чуть-чуть, в норму, в этом самое главное...». Самыми капризными для отображения оказались лимоны, трудно было подобрать цвета: «И снова готов был отчаяться, от отчаянья решился на дерзость: что, если тронуть ярко-желтый бок лимона зеленым, самым светлым, зеленым на грани с желтым! Но это же не тот цвет, какой видит глаз, – против природы, против природы, против истины. И всё-таки Федор решился. От возбуждения задрожали руки Тот мазок, который на палитре казался зеленым, на холсте стал желтым, лимонным, таким, каким и должен быть. Правда, какую искал!»

Так, постигая парадоксы художественного творчества в спорах с друзьями и голоде послевоенного времени, Федор Материн становится талантливым профессиональным художником. Однажды он вновь видит скульптуру Нефертити: «Была царицей, жила в Египте, говорила на чужом языке... Не верится! Где-то ее встречал Ждешь — вот-вот с губ сорвутся понятные слова, ждешь их, не веришь, что ей больше трех тысяч лет. Исчезла грань между мертвым и живым, между тысячелетиями и минутами – ждешь оброни слово любящему тебя». Преподаватель живописи Валентин Вениаминович учил словом, давал полезные советы, но, оказывается, в творчестве важна еще и дерзость, которой научить нельзя.

Для современных будущих художников и других учащихся, наверное, будет любопытно узнать подробности буден студентов художественного института конца 40-х – начала 50-х годов прошлого века: «Утром кружка кишятка с куском хлеба, бегом до остановки троллейбуса, мастерская, старик, холст, время, отведенное для рисунка, занятия по пластической анатомии, лекции по истории искусств, по марксизму-ленинизму, группа французского языка под надзором доброй Сарры Израильевны, звавшей своих великовозрастных небритых воспитанников «деточками», щедро ставившей пятачки и четверки за вологодское оканье с прононсом. В промежутках пропахшая щами подвальная столовка, где к студентам-художникам относились с придирчивым подозрением. так как

было известно, что они великие мастера подделывать разовые талоны на обед. Потом Федор бежал в библиотеку и читал книги по истории, по искусству, просто те, о которых слышат похвальное слово. Читал, чтобы походить на Вече Чернышева, чтобы не молчать при спорах... Возвращался в общежитие уже ночью и торопливо дожидаясь спать, так как не мог забыть, что в кармане пальто, завернутый в газету, лежит кусок хлеба. Его нельзя трогать, иначе утром побежишь натошак, весь день будет мутить от голода. Утром опять в прежнем порядке, начиная с кружки кипятка и этого куса хлеба...».

Вскоре после начала учёбы пришло к Фёдору и понимание, что его учитель Савва Ильич бездарен, но, чтобы не причинить старику боль, он скрывает своё отношение к его художествам и даже просит своего талантливую друга написать «хорошо» на картине Саввы Ильича, чтоб утешить бывшего наставника, испытывая чувство благодарности за то, что бесталанный учитель увидел в нём дарование и поддерживал, как мог. Его часто терзает сомнения в своей талантливости, страх оказаться пустоцветом и подтвердить правоту отца: работа пахаря важнее и нужнее художества. Но всё же Федор перерастает своего институтского преподавателя, его картины становятся известны.

Но, чтобы не жить на унижающем достоинство иждивении более благополучных друзей, Федору и после окончания учёбы приходится работать грузчиком, оформлять витрины магазина «Гастроном», быть помощником маляра. В житейской суете и необходимости «кормить картину» (заниматься работой только ради денег) забывается высокое искусство, но Федор верит в свой талант и твердо помнит слова своего преподавателя живописи: «Готовьтесь к тому, что вас изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год будет мучить один простой и страшный вопрос – что есть истина? Что есть истина и искусство? Вам нужно ее открыть, вы обязаны ее открыть, а открыть невозможно. Полного ответа нет. И вы будете страдать от собственного бессилия, вы будете презирать себя, ненавидеть себя, вы станете своим врагом. И не дай вам бог отмахнуться от страшного вопроса, на минуту – хотя б на минуту! – забыть о нем. Тогда будет покойная жизнь, мир в душе, довольство собой, ожирение, но художник в вас умрет...». В трудную минуту учитель приходит на помощь и предлагает заказ. Но Материн отказывается сделать для одного учреждения копию картины директора института «Колхозная свадьба» даже за очень хорошие деньги, понимая, что он – художник, а не копист, он хочет творить и создавать новое. «Он помнил московскую Нефертити, как звезду, как скрипку, как смех детей». И после долгих попыток и переделок ему удается завершить картину на военную тему, изображающую реальный эпизод: посреди советских солдат пленный румын с заскорузлыми грязными пальцами играет на скрипке. И снова тревога: не исчерпал ли таланта и не показал ли уже всё, на что

способен? «Он постепенно начал понимать, почему неудачна картина. Скрипач слишком плохо связан с миром, он не центр вселенной, он лишь частица ее. Ноги шагают мимо скрипача, свет разливается сам по себе, один молодой солдат с увлечением слушает, только он обратил внимание на румына. Картина без центра, без духовного центра – просто пейзаж со скрипачом, с маленькой сцепкой на переднем плане. Кажется, начинает понимать... Дома он разглядывал свою картину уже без отчаянья, без отвращения, с любопытством, изучающе... Надо ломать, надо начинать всё заново. Это намного легче, чем ломать всю жизнь». С раннего утра он бросался к холсту, забывал обедать, спал урывками, даже по ночам в темноте мысленно рисовал. «Было еще светло, Федор работал один. Он в очередной раз отошел от холста, чтобы окинуть его взглядом. Отошел, постоял и вдруг понял – перелом. Картина еще далеко не кончена, но судить о ней уже можно смело. Сомнений нет – удача. Тревогой и опасностью пропитан воздух, низкое небо угрожающе давит на плоскую землю, и грубо, до жесткости ласкают раздавленные руки скрипку... В позе скрипача страсть обезумевшего непонятно совмещается с отрешенным покоем. Солдатские руки висят у него над головой, руки слушают... Кажется, что вся широкая степь звучит, отзывается, как оконное стекло. И всё должно отражаться в одной точке, в лице присевшего на корточки солдата. Лица самого пока нет, вместо него незаписанный кусок холста. Но и этот кусок уже не молчит, от него ждешь чего-то необычного, невероятного. Как трудно будет подыскать лицо. Написано нервно, с той грубой и свободной силой, с какой скрипач мнет рабочими руками нежную, крупную скрипку...».

Полон оптимизма и веры в созидательные силы человека, творящего красоту: «Нет Саввы Ильича, есть он, Федор. И Федору не на что жаловаться – его ждёт почти оконченная картина, ждёт близкая победа, есть силы, несокрушимое здоровье, талант, есть преданность своему труду и, наверное, есть дерзость. Не на что жаловаться!»

В автобиографическом романе «Свидание с Нефертити» Владимир Тендряков раскрывает проблемы художественного творчества, показывает, что поиск истины в искусстве (а только ли в нём?) неоднозначен и связан с большим трудом, творческим накалом сил и энергии личности. Кроме поддержки семьи и школы, человек сам должен преодолевать препятствия на пути к избранной профессии, как Федор Материн сумел, пройдя через страшную войну, непонимание родителей, страх оказаться неспособным свободно творить, к заветной цели – стать настоящим художником.

Вопросы после прочтения романа «Свидание с Нефертити»:

1. Что нового узнали вы о профессии художника, прочитав роман? Что поразило вас больше всего?
2. Какими качествами должен обладать настоящий художник?
3. Что такое талант и какими качествами, на ваш взгляд, должен обладать талантливый человек?
4. Как вы думаете, почему Федор Материн не погиб на войне?
5. Что такое вдохновение?
6. Испытывает ли Федор вдохновение после удачного завершения работы над картиной?
7. Почему молодой художник отказался делать копию известной картины?
8. Что общего, по вашему мнению, между талантом художника и талантом писателя? В чём разница?
9. Согласились ли бы вы с Федором, когда он скрыл правду от Саввы Ильича о его неталантливости и почему?